

ОБАЯНИЕ ТАЙНЫ
ПРОЗА АРТУРО ПЕРЕСА-РЕВЕРТЕ

Артуро
Перес
Ревертё

УЧИТЕЛЬ
ФЕХТОВАНИЯ

Москва
2016

УДК 821.134.2-312.9
ББК 84(4Исп)-44
П27

Arturo Pérez-Reverte
El Maestro De Esgrima

Copyright © Arturo Pérez-Reverte, 1988
Фото автора © Photo by Victoria Iglesias, 2013

Перевод с испанского *Надежды Беленькой*
Художественное оформление *Андрея Саукова*

Перес-Реверте, Артуро.

П27 Учитель фехтования / Артуро Перес-Реверте ; [пер. с исп. Н. М. Беленькой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (Обаяние тайны. Проза Артуро Переса-Реверте и Ильдефонсо Фальконеса).

ISBN 978-5-699-85726-5

Артуро Перес-Реверте написал блестящий роман о человеке, бросившем вызов целому свету.

Дон Хайме Астарлоа, опытный дуэлянт и лучший фехтовальщик старой школы, оказывается в центре раздираемой революциями Европы. Он отчаянно пытается сохранить свою честь и не стать пешкой в кровавой игре, но в мире, где властвуют ложь и предательство, это непросто.

Как ему сохранить верность принципам и саму душу? Легендарный кабальеро находит единственный возможный ответ лишь к концу жизни — как удар шпаги, от которого нет спасения.

УДК 821.134.2-312.9
ББК 84(4Исп)-44

© Беленькая Н., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-699-85726-5 ООО «Издательство «Э», 2016

Посвящается Карлоте, а также Рыцарю
в желтом камзоле¹

¹ Имеется в виду роман отца Артуро Переса-Реверте «Рыцарь в желтом камзоле». — *Здесь и далее прим. перев.*

Я самый учтивый человек на свете. Моя заслуга в том, что я никогда никого не обижаю и покорно сношу назойливость невежд, которые бесцеремонно повествуют о своих невзгодах, а то и читают стихи собственного сочинения.

Генрих Гейне. «Путевые заметки»

В серебряных канделябрах уютно горели свечи, их огоньки отражались в хрустале высоких бокалов. Раскуривая толстую гаванскую сигару, министр внимательно разглядывал необычного гостя. Ему было совершенно ясно: господин, столь настойчиво добивавшийся встречи, — отъявленный пройдоха. Но однажды министру довелось видеть, как к дверям ресторана «Ларди» этого типа подвез великолепный экипаж, запряженный парой сытых английских кобыл, а на ухоженных пальцах, снимавших с сигары кольцо, сейчас блестел золотой перстень с крупным бриллиантом. Министр оценил элегантную непринужденность, с которой держался господин; припомнил он и ходившие по Мадриду смутные слухи о его темном прошлом... Так что сомнений не оставалось: посетитель был не просто какой-то пройдоха, а пройдоха богатый и влиятельный. Министру же, не считавшему себя радикалом в вопросах этики, было отнюдь не безразлично, к какому сорту негодяев принадлежит стоящий перед ним субъект, — его терпимость прямо зависе-

ла от достижений и успехов каждого конкретного представителя этого племени. Когда же он предчувствовал, что удастся сорвать крупный куш ценой маленькой сделки с совестью, он делался поистине великодушным.

— Мне нужны доказательства, — произнес министр, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

Обоим было ясно: сделка состоится. В глазах посетителя мерцали огоньки. Беседа шла именно так, как он предполагал. Тонко улыбнувшись, он одернул белоснежные манжеты, отчего крупные бриллианты на запонках вызывающе сверкнули, и достал конверт из внутреннего кармана сюртука.

— Доказательства — само собой, — проговорил он с легкой иронией.

Запечатанный сургучом конверт лежал на шелковой скатерти у самого края стола возле руки министра. Министр не прикасался к нему, словно боясь подхватить неведомую заразу, и выжидающе смотрел на гостя.

— Я слушаю вас, — произнес он.

В ответ господин пожал плечами и небрежно указал на конверт: казалось, выпустив его из рук, владелец потерял к нему всякий интерес.

— Взгляните сами, — произнес он равнодушно, словно происходившее не имело к нему отношения. — Имена, адреса... Вам это покажется, во всяком случае, забавным: будет чем занять ваших агентов.

— Неужели здесь указаны все соучастники?

— Скажем так: те, о ком следует упомянуть. Когда речь идет о больших деньгах, приходится все тщательно взвешивать.

При последних словах он снова улыбнулся. На

этот раз его улыбка показалась министру несколько вызывающей.

— Сударь, у меня складывается впечатление, что вы относитесь к своему поступку несколько легкомысленно. То, что вы делаете... — Неоконченная фраза прозвучала раздраженно и угрожающе. На лице посетителя мелькнуло удивление.

— Вы же не будете настаивать, — вымолвил он, поразмыслив, — чтобы я, как Иуда, рисковал за какие-то тридцать сребренников... А вы намекаете именно на это.

Министр положил руку на конверт.

— Еще не поздно забрать бумаги назад, — проговорил он, держа сигару в зубах. — Для вас это было бы своего рода героизмом.

— Я отлично вас понимаю. — Гость допил коньяк, поднялся и взял с соседнего стула трость и цилиндр. — Но герои, как правило, гибнут. Или разоряются. Во втором случае мне придется терять слишком много; вы, сударь, знаете это лучше кого-либо другого. Человек в моем возрасте, к тому же занимающийся делами столь серьезными, ценит здравый смысл куда выше добродетели. Это диктуется инстинктом. Так что я за собой вины не чувствую.

Они не стали обмениваться рукопожатием или иными общепринятыми знаками расположения. Шаги на лестнице стихли, прогрехотал отъехавший экипаж. Оставшись один, министр надломил сургуч, раскрыл конверт, надел очки и придвинул канделябр. Сделав маленький глоток коньяка, он надолго углубился в чтение. Отложив последний документ, некоторое время сидел неподвижно, покуривая сигару. Затем посмотрел задумчиво в камин, отапливающий

его небольшой кабинет, лениво поднялся и подошел к окну.

Впереди его ждало несколько часов утомительной работы, и он чуть слышно чертыхнулся. В ту ночь на Мадрид обрушился ледяной ливень, принесенный ветром с заснеженных вершин Гуадаррамы. То была ночь 1866 года. В Испании правила Ее Католическое Величество донья Изабелла II¹.

¹ Изабелла II (1830—1904) — королева Испании (1833—1868), дочь Фердинанда VII. Вошла в историю как капризная, расточительная правительница, окружавшая себя фаворитами. Царствование Изабеллы совпало с бурным периодом в истории Испании. Еще до ее рождения, в период правления ее отца, начались т.н. «карлистские войны» — по сути, борьба за испанский престол. В ней участвовали две основные группировки: первая отстаивала интересы Фердинанда VII, вторая — его брата Карлоса V, также претендовавшего на корону. Во время правления Изабеллы борьба за престол продолжилась и постепенно переросла в гражданскую войну. Власть королевы опиралась на поддержку военных, и ее правление часто называют «генеральским режимом». Произошло несколько дворцовых переворотов. В начале Испанской революции (1868—1874) Изабелла II бежала во Францию.

I

Немного о поединке

Поединок двух порядочных людей под руководством учителя, исполненного благородных побуждений, — достойный образец хорошего вкуса и изысканного воспитания.

Когда много времени спустя дон Хайме Астарлоа попытался выстроить в цепочку разрозненные события той трагедии и припомнить, как все началось, перед его мысленным взором первым возник маркиз. Вспомнилась открытая терраса в зеленом парке Ретиро, жаркие дни начала лета, теплый ветер, врывавшийся в распахнутые окна, и свет — он отражался в вороненой стали рапир, такой нестерпимо яркий, что приходилось невольно щурить глаза.

В тот день маркиз был не в форме; дыхание вырывалось из его легких с шумом кузнечного меха, рубашка намокла от пота. Такова, к сожалению, была расплата за чересчур бурную ночь, но дон Хайме, как обычно, воздержался от неуместных замечаний.

Личная жизнь учеников его не касалась. Он без труда отразил беспорядочные уколы разгоряченного маркиза и быстро атаковал. Гибкая итальянская сталь рапиры согнулась, когда наконечник уткнулся в грудь противника.

— Укол, ваша светлость.

Луис де Аяла-Велате-и-Вальеспин, маркиз де лос Алумбрес, чертыхнулся и в бешенстве сорвал маску.

Лицо его было багровым, потным от жары и напряжения. Сбегавшие по лбу крупные капли пота застревали в бровях и усах.

— Черт бы меня побрал, дон Хайме... — Голос маркиза дрогнул от смущения. — Как вам это удастся? Вот уже третий раз за последние четверть часа вы разбиваете меня в пух и прах.

Дон Хайме пожал плечами. Он снял маску; под тронутыми сединой усами виднелась снисходительная улыбка.

— Сегодня у вас неудачный день, ваша светлость.

Луис де Аяла рассмеялся и принялся мерить широкими шагами галерею, украшенную дорогими фламандскими гобеленами, старинными шпагами, саблями и рапирами. Его пышные вьющиеся волосы походили на львиную гриву. Все в нем, казалось, кипело энергией и темпераментом: большое сильное тело, громовой голос. Превыше всего в этом мире ценил он широту души, вспышки восторга и страсти, пылкую дружбу... В свои сорок лет он оставался холостяком. Холеный, статный, маркиз де лос Алумбрес был, как утверждали, настоящим баловнем судьбы. Заядлый игрок и неутомимый любитель женщин, он казался воплощением гуляки-аристократа, образа столь модного в Испании XIX века: за свою жизнь он не прочитал ни единой книги, зато мог пересказать на память родословную любой мало-мальски известной лошади с ипподромов Лондона, Парижа или Вены. Что же до женщин, достаточно вспомнить час-тенько гремевшие на весь Мадрид скандалы, которые становились притчей во языцех великосветских салонов, жадных до новостей и сплетен. Для своих сорока лет он выглядел превосходно, и стоило лишь вскользь упомянуть о нем, как дамы томно вздыхали:

для них его имя стало символом любовных перипетий и бурных страстей.

При дворе ее величества, в этом замкнутом чопорном мирке, про маркиза слагались легенды. Прикрывшись веером, дамы шептались. Поговаривали всякое: что как-то раз во время пирушки в одном из кабачков Куатро-Каминос¹ он затеял бурную ссору с поножовщиной — и это было неправдой; что в его усадьбе в Малаге жил якобы некогда усыновленный им сын знаменитого разбойника, которого казнили, — а вот это была чистая правда. О его участии в политической жизни — правда, весьма эпизодическом — говорилось мало, зато истории о его любовных похождениях облетели весь город. Болтали, будто некоторые обманутые мужья, занимавшие довольно высокое положение в обществе, имели достаточно оснований вызвать маркиза на дуэль; не у всех, правда, хватало мужества. Четверо или пятеро, скорее всего, просто затем, чтобы удовлетворить общественное мнение, послали к нему секундантов, но их смелое решение привело к печальным последствиям: все они, пожертвовав сладким предутренним сном, встретили новый день, истекая кровью на траве безымянного луга в окрестностях Мадрида. И наконец, сплетники доходили до совсем уже невообразимых предположений: среди сонма обманутых мужей был якобы даже сам король. Впрочем, славный Франсиско де Асиз² вряд ли стал бы ревновать свою августейшую супругу. Пала Изабелла II жертвой губительного обаяния маркиза или нет, навеки осталось тайной, известной лишь самим царствующим особам да ис-

¹ Куатро-Каминос — пригород Мадрида.

² Франсиско де Асиз де Бурбон (1822—1902) — племянник Фердинанда VII, принц-консорт, супруг Изабеллы II.

поведнику ее королевского величества. А у беззаботного маркиза не было не только исповедника, но, как говаривал он сам, ни малейшего желания заводить одного.

Маркиз снял нагрудник, оставшись в одной рубашке, и задумчиво положил рапиру на столик, куда слуга поставил серебряный поднос с бутылкой вина.

— На сегодня хватит, дон Хайме. Что-то не везет мне... Выпьем-ка лучше хереса.

Завершающая ежедневные тренировки рюмочка хереса превратилась для них в ритуал. Держа в левой руке маску и рапиру, дон Хайме взял у хозяина дома хрустальный фужер, где, словно жидкое золото, сверкало вино. Маркиз с наслаждением вдохнул аромат.

— Признайтесь, маэстро: в Андалусии всякую дрянь в бутылки не наливают. — Он не спеша пригубил золотистую жидкость и прищелкнул языком. — Посмотрите-ка на свет: чистое золото, солнце Испании. Разве можно сравнить это с бурдой, которую пьют за границей?

Дон Хайме с готовностью согласился. Ему по душе был и сам Луис де Аяла, и его манера обращаться к нему «маэстро», хотя, по сути, маркиз не был его учеником: при королевском дворе он вот уже много лет считался лучшим фехтовальщиком и давно не нуждался ни в чьих уроках. Его отношения с доном Хайме были иного рода: маркиз любил фехтование так же страстно, как карты, женщин и лошадей. И неудивительно, что ежедневно он целый час проводил с рапирой в руке. Это занятие было не только полезным упражнением для тела — оно имело еще и неоценимый практический смысл: с помощью шпаги или рапиры маркизу время от времени приходилось решать вопросы чести. Лет пять назад в поисках достойного противника Луис де Аяла обратился к луч-

шему учителю фехтования Мадрида — именно таким слыл дон Хайме, хотя любители моды считали его стиль излишне консервативным. С тех пор ежедневно, кроме субботы и воскресенья, ровно в десять утра учитель фехтования приходил во дворец Вильяфлорес, где жил маркиз. Именно там, в просторном фехтовальном зале, отделанном по последнему слову тогдашней светской моды, маркиз неистово, с ожесточенным пылом атаковал и блестяще отражал самые хитроумные атаки, хотя в конце концов неизменно побеждали талант и мастерство дона Хайме. Маркиз, лидер от природы, тем не менее умел достойно проигрывать и относился к незаурядному профессионализму старого учителя с искренним восхищением.

Поморщившись, словно от боли, маркиз ощущал свое тело и притворно вздохнул.

— Клянусь преисподней, маэстро, давненько вы меня так не отделявали... После вашего урока меня спасет только хорошая бутылка вина.

Дон Хайме усмехнулся:

— Я же предупреждал, ваша светлость: сегодня у вас не лучший день.

— Да уж. Если б у вашей рапиры не было наконечника, вы бы отправили меня на тот свет. Боюсь, я выглядел не лучшим образом.

— За безрассудства приходится платить, ваша светлость.

— Что правда, то правда. Особенно в моем возрасте. Я ведь уже не мальчишка, черт побери! Но ничего не поделаешь, маэстро. Вы и представить не можете, что со мною стряслось.

— Наверное, вы влюбились, ваша светлость.

— Вы правы, — вздохнул маркиз, подливая себе хересу. — Влюбился, как последний щенок. По уши.